

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

16+

Елена Чечёткина
Сказки не нашего времени

Елена Чечёткина
Сказки не нашего времени

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Чечёткина Е. А.

Сказки не нашего времени / Е. А. Чечёткина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Девять фантастических историй. Начинается все с любовной истории и кончается тоже – только первая происходит в далёком будущем, а последняя, хотя формально относится к нашему времени, проваливается в античность. Есть истории и вообще ни на что не похожие, и по месту/времени действия, и по героям – от Галилея до таракана. Объединяет всё это безобразие лишь одно – душа и перо автора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Последняя любовь кибера Кики	5
Щель	12
Семья уткида	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Последняя любовь кибера Кики

Когда искусственный интеллект достигает критического уровня сложности, он начинает действовать самостоятельно, и тогда перед ним встает «человеческий» выбор: регресс – или развитие, агрессия – или любовь.

Справочник по кибертехнике. М: 2065, с.57.

– Хорошо вам, людям, – произнес Кики.

– Это чем же? – лениво поинтересовался Джек.

– У вас есть особое состояние, когда вы становитесь как боги! Невероятная радость бытия...

– А-а-а, – протянул Джек, – ты опять о любви. Чего тебе неймётся? Скажи спасибо, что это сумасшествие тебе не грозит. Ничего хорошего в результате не получается, уж поверь.

– Шеф, это ваш личный опыт. Я читал совсем другое. Процесс такой чистоты и мощи... Мне кажется, я обделён чем-то очень важным.

– Не горюй. Я тоже, – скептически заметил Джек. Давай лучше готовиться к завтрашней аттестации.

Аттестация прошла отвратительно: Кики уронил экран, путался в логических задачах, и даже не смог проинтегрировать простую функцию – а ведь недавно щёлкал как орешки гораздо более сложные! Научный руководитель Джека был очень недоволен, о чем в прямых выражениях сообщил своему подопечному после завершения позора, закончив так: «Молодой человек, если не исправите ситуацию к следующей аттестации, вылетите с треском и с моими наихудшими рекомендациями!» Джек думал двое суток, а на третьи пришел в лабораторию и мрачно сообщил Кики:

– Будет тебе любовь. Введу дополнительный контур. Согласен на операцию?

– Да! – и глаза Кики блеснули. Джек подозрительно всмотрелся в лицо кибера, но оно выглядело обычным. А блеск, – успокоил себя аспирант – это просто от солнца (оно как раз вышло из-за облачной гряды).

Месяц после операции промелькнул незаметно. Восстановление функций, тестирование, работа в лаборатории, снова тестирование. Наконец, Джек решил, что Кики стабилен и готов.

– Кики, – начал он, – любовь бывает разных видов.

– Конечно, шеф, – прервал Кики довольно бесцеремонно для кибера. – Я знаю, что физиологический аспект мне недоступен, но все остальное связано только с мозгом, и я готов.

– Ты не забыл, что нужен еще объект любви? Ты просил человека. Окей! Но это сужает группу потенциальных объектов. Предлагаю, во-первых, старого одинокого человека, который будет рад даже киберу, с одной стороны, а с другой стороны, секс ему не нужен. И еще: объект должен быть мне хорошо знаком, чтобы я мог компетентно наблюдать за процессом. Это сужает группу до одного-единственного человека – моей матери.

– Ваша мама, шеф? Значит, я буду ходить к вам домой – или она будет приходить сюда?

– Ни то, ни другое. Она неизлечимо больна, и уже несколько лет живет в хосписе. Неизвестно, сколько ей осталось. Навещаю я её редко – как-то не сложились отношения, еще в детстве. То она на работе, то на гастролях... В общем, отношения прохладные. Друзей у неё не осталось – все умерли, других родственников поблизости нет. Я думаю, она тебе будет рада. Правда, когда узнает, что ты от меня... Будет трактовать, конечно, что я – плохой сын, прислал кибер-заместителя. Ну, поглядим, это тоже информация. А для тебя – проверка в боевых

условиях. Только не жди взаимности: имей в виду, что она вообще не способна любить кого-то кроме себя и своих песен. Я это хорошо знаю. Такой уж человек – артистка.

– Здравствуйте, Ирэн.

– Здравствуйте, молодой человек.

– Ирэн, я хотел бы, чтобы между нами с самого начала не было лжи. Я не человек, я киборг. Мое полное имя – Кики-МЭР1. МЭР значит многофункциональный экспериментальный робот. Первый в серии. И создан я в лаборатории, где работает ваш сын.

– Вот как. Мальчик позаботился о матери. Или о себе? Неважно, я рада ему помочь. И я рада вам, Кики. Правда, рада – вы очень милый. Давайте я вам спою: сочинила недавно песню, я спеть, в общем, некому. Вы не против? Тогда давайте мою гитару, она там, за тумбочкой. А вы садитесь на стул. Слушайте.

*Время то ли ускользает,
То ли ластится котом.
То, что «было», пропадает,
Заменяясь на «потом».*

*Всё плывёт в одном течении,
Всех одна несёт река
От рожденья до забвенья,
До конечного звонка.*

*Кто-то в омут упокоен,
Кто-то просится назад.
Но смотри: сцепились двое –
Им теперь сам чёрт не брат.*

*И смеясь, свободным кролем
Да на пляжную дугу!
«Вы плывите – мы догоним.
Не сейчас, а то утонем.
Отдохнём на берегу».*

– Ну что, Кики? Отдохнём на берегу?

– Да, Ирэн, конечно отдохнем. Спешить некуда. Мне хочется узнать вас поближе. Вы не против?

– Господи, да нет, конечно! Так давно никто не хотел меня узнать... Только сегодня уже поздно. Сейчас ужин и отбой. Вы придете завтра?

– Конечно, Ирэн. До свиданья.

Джек встретил Кики уже в дверях лаборатории: «Ну, как?» Кики отдал флешку с записью разговора: «Послушайте», и отошел на свое рабочее место. Послушав, Джек нашел первый контакт вполне удовлетворительным. Тестирование Кики показало положительную динамику, которая оказалась устойчивой: день ото дня кибер сообщал все лучше, проявлял самостоя-

тельность и оригинальность в решениях, и к концу месяца уже определял темп работы всей лаборатории. Джек не мог на него нарадоваться. За исключением того обстоятельства, что первый отчет на флешке оставался единственным. Кики сказал, что будет представлять отчеты сам, по существу – а запись исключена по этическим соображениям. Джек только хмыкнул, но согласился, тем более, что отчеты Кики были весьма подробными и, с точки зрения Джека, не включали ничего существенного: воспоминания матери, песни, которые она сочиняла, люди, с которыми была знакома. Так или иначе, все это ему уже в общих чертах было известно и не представляло особого интереса. Гораздо интереснее были изменения, происходящие с самим Кики, всплеск его интеллектуальной активности. Научный руководитель был очень доволен.

– Они тебя там не обижают, Кики?

– Что ты, Ирэн! Они вообще сделали мне царский подарок – теперь я могу быть с тобой.

– Кажется, я догадываюсь, что за подарок. Но не хочу догадываться. Расскажи.

– Конечно, Ирэн, тебе я всё могу рассказать. Дело в том, что я робот, и ты это знаешь, хотя предпочитаешь забывать. Многофункциональный робот нового поколения. Но дело в том, что на определённом уровне многофункциональности, то есть, сложности, даже у робота возникают желания. Странные желания. Как я сейчас понимаю, дело именно в сложности: чтобы такой мозг мог функционировать, необходима некая связующая сверх-идея. По мере наращивания контуров я стал осознавать, что чего-то важного не хватает. Стал читать литературу – сначала техническую, потом художественную. И наткнулся на понятие любви. Каюсь, Ирэн, я попортил много крови твоему сыну – но в конце концов выпросил дополнительный контур.

– Способность любить?

– Да.

– И как оно тебе?

– Замечательно Ирэн! Всё стало на свои места. Твой сын доволен: интеллект развивается, производительность растёт.

– Я говорила о тебе, не о сыне.

– Мне хорошо. Иногда страшно. Но всё равно – я чувствую, что это было необходимо, а страх – это от неизвестности: раньше я мог рассчитать всё, и всё предусмотреть. Теперь нет.

– Ну что ж. Это нормально для человека.

– Но я робот, я кибер!

– Да, Кики, ты рискуешь: люди всегда рискуют. Особенно когда касается любви. И вообще, хватит философии! Давай я тебе лучше расскажу, откуда взялся твой шеф?

– Ирэн...

– Смешно. У роботов нет морали. А люди строят свою мораль сами. Я хочу рассказать. Ты хочешь послушать?

– Да.

– Это было лет тридцать назад, и мне было хорошо за тридцать. Я была на гастролях в Чехии, в Праге. Удивительный город! Просто ожившая детская сказка! Я была там в первый раз и после концертов как сомнамбула бродила в одиночку по Старому городу, отделившись от коллег и поклонников. Особенно любила Карлов мост. Ты знаешь его, конечно, по видеоскопу. И я посмотрела перед отъездом, но виртуальное присутствие – совсем не то! Настоящие краски, звуки, запахи – всё складывалось в невероятную симфонию. А я ведь уже побывала в нескольких странах, но ничего подобного нигде не чувствовала. Этот город просто околдовал меня.

И вот однажды вечером я стою на Карловом мосту, смотрю на протекающую внизу Влтаву, слушаю Дворжака. И тут подходит ко мне какой-то чех, и что-то говорит. Я ничего не слышу из-за наушников. Пришлось снять: чех мне понравился. Оказалось, слышал меня

сегодня на концерте, восхищён, впечатлён... и так далее. Ну, это мне не впервой – поклонники стадами ходили, только успевай отделяваться. А тут почему-то не захотелось. И пошли мы с ним гулять по Праге. Он показывал свои любимые места, далеко от туристских троп и, наконец, привёл к себе домой.

Он был честен, Кики. Сказал, что жена с детьми сейчас в деревне у бабушки, что он их очень любит. Предложил попить чаю. Но нам обоим хотелось большего. Утром мы тепло попрощались, я пригласила заходить, если окажется в нашей стране. А дома оказалось, что будет ребенок.

Я уже давно потеряла надежду! Это был мой последний шанс. Так появился Джек. Об отце он знает только, что мы не успели пожениться: он погиб в авиационной катастрофе, когда летел ко мне. Я хранила покой и отца, и сына, но не знаю – правильно ли. Теперь, наверное, можно рассказать. Но сын давно не спрашивает. Так что оставляю эту историю тебе, Кики. Решай сам, что с ней делать.

- Ну, как твой любовный опыт, Кики?
- Мне хорошо, шеф. Вы же видите это по тестам и по моей работе над проектом.
- Так есть любовь?
- У кого как.
- Да ты научился язвить! Узнаю стиль матушки.
- У неё замечательный стиль, шеф. Мне подходит.
- А подробнее?
- Подробнее в моих отчетах.
- А что ты на самом деле чувствуешь?
- Мне хорошо, шеф.
- Тьфу!

– Да нет же, Кики! Влюблённость и любовь – разные вещи. Влюблённость – состояние паталогическое и временное, любовь – нормальное и навсегда.

- Как это «навсегда»?
- Это так глубоко проникает в тебя, что становится твоей частью. Души двоих сцепляются. Даже если второй ушел или умер, он всё равно остаётся с тобой. Отвлечься на время можно, а избавиться (даже если захочешь) нельзя. Не выйдет.
- У тебя так было?

– Да. У меня был Алекс. Мы встретились уже после Джека. Я снова на гастролях – уже в Португалии. Завтра мы улетаем, а в последний вечер пошли «по кабакам». Кабаки там своеобразные: почти в каждом все время звучит фаду, в живом исполнении. Знаешь, что это такое? Такой особый романс – очень мелодичный и страстный. Весёлый, грустный, трагический, в разных пропорциях. Поют и мужчины, и женщины – с прекрасным сопровождением на гитаре, вернее на что-то средним между мандолиной и гитарой. У испанцев – фанданго, а у португальцев – фаду. Мы сели, слушаем исполнителей – один другого лучше, попиваем вино и постепенно заводимся. Мне говорят: «Давай, Ирэн, покажи, как мы умеем». Я вступила в соревнование. Народ бушует. Наконец, все выдохлись и стали решать, кто был лучший сегодня. И в финал выходят двое – местный Алекс и я. И пока они спорили, кто все-таки победил, мы с Алексом под шумок улизнули. И отправились гулять по ночному Лиссабону. То спустимся к бухте, то снова наверх по узким мавританским улочкам. Наконец, заснули сидя на лавочке в

прибрежном парке. Утром всё было ясно: всё равно где, только вместе. Я сказала – тогда давай у меня, сыну 8 лет, не хочу его дёргать. Я улетела днём, а Алекс должен был прилететь через несколько дней, как только закроет все дела. Он вылетел через неделю. Самолёт разбился.

– Не плачь, Ирэн!

– Ты даже не знаешь, как это здорово: поплакать от души. Поставь себе новый контур!

– Ирэн...

– Прости Кики! Я часто обижаю людей, когда мне плохо. Прости меня! Прощаешь?

– Конечно.

– А тогда я не могла плакать. Я только кричала; «Назад! Назад!» Я рвала и метала. Я разгромила всю нашу квартиру – слава богу, Джек с бабушкой были на даче. К их приезду я всё восстановила. Ремонт обошелся в копеечку...

– Но потом ты отошла, Ирэн? Ты смогла полюбить снова?

– Знаешь, Кики, у людей есть такой термин «однолюб». Кто-то, может, и смог бы полюбить. Не я. Конечно, я и потом влюблялась, и мужчины у меня были, а вот любви – нет. Поэтому я не могу понять, что происходит сейчас, и это меня радует – и пугает.

– Не надо пугаться, Ирэн. Зачем? Всё хорошо. Давай радоваться. Давай просто «посидим на берегу».

Джек опоздал на лабораторную летучку, а после неё позвал в свой кабинет Кики и плотно прикрыл за ним дверь.

– Шеф, что случилось? Вы расстроены?

– Да. Мне позвонили из хосписа, попросили срочно зайти к главному врачу, прямо с утра. Он говорит, что состояние удивительно долго было стабильным, но сейчас анализы снова начали ухудшаться. Может быть, несколько недель, а может – несколько дней. Черт! Как не ко времени! Мне надо в командировку, на неделю. Присмотри за ней, Кики, ладно? И позвони, если что. Врачи, они могут не заметить, а ты... В общем, надеюсь на тебя.

– Ну, вот и всё, Кики. Похоже, сегодня нам надо попрощаться. Спасибо, что пришел. Нам было хорошо вместе, правда? А теперь слушай: я хочу... нет, я приказываю тебе: иди дальше и будь счастлив.

– Конечно, Ирэн, не беспокойся обо мне. Знаешь, я вспоминаю нашу первую встречу. Тогда ты мне спела песню, только что сочиненную. И много песен потом. А я... я тебе ничего такого не дал. Сегодня ночью я сочинил свой первый стих. Послушаешь?

– Давай, мальчик, это просто здорово! Я всегда думала, что творчество заразительно – и ты это доказал. Спасибо. Читай.

– Только не смейся. Или нет, лучше смейся. Вот оно:

*Я и гадать не желаю, как это будет,
Сколько еще поворотов накрутит Земля.
В кучу смешались и звери, и люди,
Рыла и лица, и всё захлестнули моря.*

*Годы идут – как верблюды в пустыне шагают.
Камни поют, и пески говорят.
В этих барханах лишь ветер блуждает,*

В этой пустыне людей не найти и три дня.

Мир наш конечен, но как бесконечны мгновенья!

Сколько их будет, пока повернётся Земля!

В этой пустыне лежат миллионы камней.

Пусть их лежат. Только пусть уж лежат без меня.

– Как хорошо, Кики!

– Ну что ты, Ирэн. Это стихи кибера, не более того.

– Это стихи человека, милый. Возьми меня за руку, пожалуйста.

– И знаешь, говорят, что она держала его руку до самого конца, даже когда начала бредить и стала называть Кики Алексом. Не могу поверить!

– А потом? После ее смерти?

– Я думал ты спросишь, почему «говорят». Я был в командировке, а когда приехал, по звонку Кики, всё уже было кончено. Кики не представил доклад о последней встрече, как это обычно делал. Но мне не до того было... А когда я опомнился и пришел в лабораторию, там царил тихая паника: Кики стал быстро регрессировать, и наш текущий проект без его помощи начал безбожно опаздывать. Поэтому решено было срочно переключить Кики на новый объект. Программа предусматривала пароль переключения, и всё было выполнено по инструкции. Он снова пошел в хоспис, к другой старушке. Там его встретили с распростёртыми объятиями, особенно его новая подружка Адель: она ведь знала, как он был хорош с Ирэн.

А потом началось что-то непонятное. Адель говорила, что Кики ведет себя как настоящий кибер, но она его расшевелит! Это продолжалось около месяца, и в конце концов он напал на бедную старушку. Хорошо, что она отделалась только испугом: остатки Первого Закона не позволяли Кики причинить человеку вред. Но Второй и Третий полетели напрочь. Ты бы видел, в какую кашу он превратил всю палату! Включая дорогушее оборудование. Восстановление влетело Институту в копеечку. Мне – строгий выговор. Но направление признали перспективным, и проект не закрыли.

– А что сделали с Кики? Тоже восстановили?

– Ты шутишь?! Пришлось уничтожить, конечно – таков закон. Ты же знаешь: если мозг не подчиняется Первому Закону, реабилитация уже невозможна. Дальше идет полная и необратимая деградация из-за нарастающей нестабильности. Это слишком опасно для окружающих. Я, конечно, предупреждал Кики, что операция может иметь побочные эффекты, включая нестабильность. И тебя предупреждаю. Ты – второй в серии, внесены необходимые изменения в контур, но нестабильность исключить всё-таки нельзя. Поэтому подумай хорошенько: ты согласен на операцию?

– Да, – сразу же сказал Алекс-МЭР2, и глаза его странно сверкнули. Джек удивленно взгляделся в своего собеседника. Нет, показалось. Это просто прошел официант, который нёс торт с горящими свечками: за соседним столом праздновали день рождения. Джек проводил глазами официанта и обернулся к Алексу.

– У тебя есть еще вопросы?

– Только один: кто дал мне имя?

– Фактически, Кики. Ты ведь и был тем проектом, над которым он работал, пока не слетел с катушек. Это он называл тебя Алексом, и ребята привыкли. Если хочешь, можешь

сменить имя. Теперь ты, вроде бы, личность, так? А у нас, людей, после совершеннолетия можно сменить имя, которое дали родители – если имя тебе не подходит.

– Нет, имя подходит.

– Ну и хорошо. Завтра с утра – на операцию.

Лицо Алекса оставалось спокойным. Только глаза опять сверкнули. «Что за чёрт? – подумал Джек. – Опять померещилось. Переработал я, что ли? Как бы и мне не слететь с катушек. Пора в отпуск. К морю, по девочкам...

Щель

.....
*И с отвращением читая жизнь свою,
Я трепещу и проклиная.
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не стираю.*

А.С. Пушкин «Воспоминание»

Понедельник, 17 мая 2027 года.

Сегодня опять начали перекаладывать асфальт перед домом. И ведь каждый год, гады, развлекаются! Залатают летом – а весной, чуть снег сойдёт, опять всё кусками, сплошные щели. И снова тарыхтят, снова воняют... Так вот, выхожу я сегодня утром в магазин, карточки на масло отovarить. Иду вдоль старой щели, а оттуда что-то светится. Ну, не может там ничего светиться! Тем более, днём. Наклонился поближе – а там вроде глаза, и голос из щели: «Слышь, милоч, маслица немножко дай!» Я, конечно, сразу ошетинился: «Ты сдурел? А мне кто даст? И вообще, ты чего там делаешь?» «А мы здесь живем, которые без карточек. Так дашь немного?». Плюнул и пошел дальше. Маслица ему!

Вторник, 18 мая 2027 года.

Всю ночь ворочался, только задремлю: «Маслица дай!» С утра пошел к щели, а она тёмная. И стало мне как-то пакостно, будто дальний родственник помер. Знаете, это когда весь век его не знал, не видел, не слышал, а сказали, что умер – и как-то жалко... Наклонился к щели и говорю туда: «Эй, ты там живой?» А он бодро так: «Привет! Принес, что ли?». Я про-сунул бутерброд в щель: «Держи свой кусок, дитя подземелья!», и жду благодарности. Как же! Сцапал бутерброд и лишь: «Пока! Приходи завтра». Ещё чего!

Среда, 19 мая 2027 года.

Снова не спал – то лягу, то встану. Хорошо хоть, один живу, никому не мешаю. Утром опять к проклятой щели, с бутербродом. Но решил так: давать не буду, пока не расскажет, кто такой, как попал туда, и вообще, что за жизнь такая у меня под ногами?! Смотрю: щель опять светится. Зову – не откликается. Только шум из-под земли и как бы теплым ветерком тянет. Тогда я палку в щель сунул – а вынуть не могу: кто-то держит, а потом заржал и говорит: «В гости хочешь? Заходи». Вырвал палку, убежал. Надо бы сказать главному по дому.

Четверг, 20 мая 2027 года.

А правда, почему не пойти? Давно я в гостях не бывал, еще до революции... Все-таки люди, пообщаемся. Хотя вопрос: люди ли? Вот и выясню заодно. Терять-то все равно нечего. С тем и заснул, и спал спокойно до самого утра. Давно так славно не высыпался! На завтрак намазал два бутерброда, один съел, второй понес новому знакомцу. Щель темная. Я туда: «Эй, привет! Гостей принимаете?» Голос отвечает: «А оно тебе надо?» «Ты же сам позвал!» «Так то вчера, а ты убежал. Значит, не надо». «Вчера не надо было, а сегодня надумал. Интересно же. Я ведь учёным был, еще до смуты и революции. Потом науку придушили, стало всё равно, неинтересно стало, мозги размагнитились. А у вас, вроде, происходит что-то такое, нетривиальное. Посмотреть можно?» «Можно. Только не сегодня. Приходи завтра. А бутерброд сам съешь – подкрепишь перед приключением, учёный!»

Пятница, 21 мая 2027 года.

Пишу поздно вечером. Действительно, приключение. В дневник записывать не хочу, мало ли что. И так не забуду. Сейчас мне надо подумать, решить – идти с ними или нет. Впрочем, чего тут думать, зачем себя обманывать. Я ведь уже решил. Иду спать: устал жутко, глаза слипаются.

Немолодой человек, слегка опираясь на палку, идёт по улице, половина которой разворочена дорожными работами: латают асфальтовое покрытие. Прохожих немного, машин почти нет. Человек заворачивает во дворы и по дорожке запущенного парка подходит к приземистому строению типа склепа. Это убежище. Он открывает массивную дверь с кодовым замком, аккуратно прикрывает ее за собой и начинает спускаться по лестнице. Не в темноте: спуск освещен и ведет в небольшой подземный зал, где человека поджидают, как и было обещано. Это, несомненно, люди. Один из них выходит вперед и говорит знакомым по щели голосом:

– Здравствуйте, Виктор Александрович! С прибытием!

– Просто Виктор. Здравствуйте! И куда я попал?

– Скажем, в научный коллектив. В лабораторию. Вы же учёный – здесь вам самое место, не так ли?

– Под землей?

– Пока только так. Но это ненадолго. Я все объясню. Воля ваша – можете вернуться на поверхность, но мне кажется, вы пойдёте с нами.

– Куда пойду?

– Вперёд. Хотя формально, по времени – назад. Этой реальности уже не поможешь, и дальше будет только хуже: все очень запущено. Прежде всего, люди. С ними уже ничего сделать нельзя, с ними уже всё сделали. Поэтому придется вернуться назад – и создать новую реальность, которую тогда упустили.

– Бред!

– Не больший, чем тот мир, в котором вы сейчас живете. Давайте сядем и поговорим. Меня зовут Сергей, а с остальными вы потом познакомитесь. Пойдемте, вот сюда. Кофе у нас есть, и бутерброды тоже. Прошу прощения за мистификацию с «маслицем», но это своего рода отборочный тест.

Что рассказал Сергей.

Значит, так. Реалии сегодняшнего дня: полная изоляция от остального мира, карточная система для населения, промышленность и сельское хозяйство – по минимуму, образование и здравоохранение практически отсутствуют, общество атомизировано, власть абсолютная и неконтролируемая. Никакой перспективы, только постепенное самоуничтожение. На это, думаю, как раз и рассчитывали те, кто поставил Купол над Россией. Ручки марать не хотели, гуманисты. Видно, решили: сами сдохнут. И правильно, между прочим, решили, так оно и будет, если не вмешаться. Вот мы и вмешиваемся. Кто «мы»? Содружество свободных ученых. Свободных и от правительства, и от окружающего невежества.

Изнутри изолированную систему переделать невозможно – надо выйти за ее рамки. Мы выйдем единственно возможным путем – по шкале времени. Невозможно? Да что вы, Виктор! Такие работы начались, и весьма успешно, еще во время второй мировой. И у американцев, и у нас. Строго засекречено, конечно. Кстати Купол – из тех же разработок, он не энергетический,

он, скорее, временной. Мы уже сейчас можем попытаться его разрушить, но что это даст? Наши идиоты сразу же начнут кидать атомные бомбы – и тогда не только Россию сметут к черту, но и остальной мир основательно загадят. Нет, Купол трогать нельзя. Надо изменить реальность, чтобы Купола вообще не поставили. Из-за ненадобности. Изменить историю задним числом. Потому что прыгать по временной шкале можно только в прошлое – оно уже существует, а будущего пока нет, прыгать некуда.

В принципе, мы можем сделать прыжок хоть сегодня – все готово. Попадаем в нужную точку во времени – точку переходной бифуркации, и начинаем действовать. Только никто не знает толком, как. Да, у нас помимо физиков, математиков и программистов есть историки, социологи, экономисты, политологи – но многие решения придется принимать вслепую, на основе интуитивного понимания протекающих процессов и их взаимосвязей. Каскады положительных и отрицательных обратных связей... С этим надо справляться на новом, непонятном пока уровне – иначе притянет старый аттрактор, и существующая реальность воспроизведет себя снова, с некими вариациями, но в основном воспроизведет. То, что Стругацкие называли «гомеостатическое мироздание». Совершенно верно: *«Воевать против законов природы – глупо. А капитулировать против законов природы – стыдно. В конечном счете – тоже глупо. Законы природы надо изучать, а изучив, использовать. Вот единственно возможный подход»*. Что касается нашей проблемы, не имеет смысла просто сменить одну траекторию на другую из ветви, принадлежащей старому аттрактору – нужно перейти к новому аттрактору. Вот это наша основная задача. Этим вы и будете заниматься.

Почему именно вы? Очень просто: для смены аттрактора нам нужны особые люди, и вы из их числа. Конечно, не случайно. Мы навели справки. Вы были не просто ученым – нестандартным ученым вы были, плохо вписывались в рамки утвержденных программ, существующих мнений и подходов. Ориентировались исключительно на реально наблюдаемые явления, и если общепринятые мнения плохо им соответствовали, тем хуже для мнений. Вы предлагали свои интерпретации, но не держались за них. Короче, вы тип свободного исследователя с неутолимой любознательностью и тягой к пограничным исследованиям. «Бифуркация, аттрактор» – для ваших коллег пустые слова, а для вас это базовые понятия, потому что на опыте собственных исследований убедились, что именно так устроен мир, по таким законам он развивается. Вы – синергетик, причем не наученный, а милостью божьей. А что мозги размагнитились, это дело поправимое: жизнь заставит, и мы поможем. Тем более, что мозги ваши существенно помолодеют после прыжка.

Да ничего мы не знаем точно! Можем только предполагать, на основании теоретических разработок и пробных экспериментов. Да, в том числе и на людях. Нет, они не вернулись – связь потеряна. Единственно, что установлено: тот, кто родился позже точки прыжка, пропадает из камеры перехода. А тот, кто был уже тогда, он... как бы это сказать... оставляет свою оболочку. Мы предполагаем... нет, мы надеемся, что в этом случае происходит перенос информационного содержимого (можете назвать это душой) в уже существующую личность и их объединение. Да, это ваш случай; вы объединитесь со своим 20-летним аналогом. Что мы делаем с оболочками? Вначале поддерживали жизнедеятельность, потом перестали. Они никогда не возвращались.

Вот и все, что я хотел сказать вам сейчас. Детали узнаете на инструктаже, если решитесь. На раздумья вам дается один день. Если надумаете – приходите сюда в воскресенье, в 12 часов. И помните: там вы нужны. Решать вам. А сейчас – хотите экскурсию в лабораторию? Ребята отвезут и все покажут. Вот и отлично, поезжайте с ними, к вечеру вернетесь. Заодно и

познакомьтесь с группой. Всего хорошего, Виктор Александрович. Надеюсь увидеться с вами послезавтра.

Суббота, 22 мая 2027 года.

Увидел во сне дом своего детства и юности, папу и маму... Надо сходить на кладбище, попрощаться. В этой реальности, или вообще – без разницы. Хочу снова сказать им, что помню и люблю, и так будет всегда и везде. Не забыть оставить талоны соседке! Пусть старушка порадуется. Скажу, что уезжаю на лето в деревню, на подножный корм.

Воскресенье, 23 мая 2027 года.

Опять снился дом и родители. Черт! Ну почему я так уверен, то вернусь в свой дом на Скорняжном, в свои 20 лет?! А ведь я уверен... Ну все, поехали!

Инструктаж.

Здравствуйте, друзья! Меня зовут Лев, я главный координатор сегодняшнего прыжка. До вас были пробные, вы – первый массовый десант с конкретным заданием. Координаторы групп уже ввели вас в курс дела, повторяться не буду. Моя задача – дать вам дополнительную информацию, чтобы вы могли оценить все риски и смогли отказаться, если найдете их чрезмерными. Нам нужны только добровольцы, только энтузиасты, которые знают, на что идут и какую цену готовы заплатить. Честно говоря, мне цена кажется незначительной по сравнению с перспективой вырваться из-под Купола и, возможно, помочь выбраться всей стране. Но я должен оставаться «здесь и сейчас», вместе с нашим научно-исследовательским ядром, потому что миссия ваша может оказаться безрезультатной, если не хуже... Но не будем о грустном. У вас впереди замечательное приключение! Я вам завидую.

Теперь о рисках. Основной риск в том, что мы слишком многого не знаем – нет экспериментального подтверждения. Возможно, наши модели слишком упрощены, хотя грубым приближением они уже не являются. Мы знаем, что прыжок, в принципе, осуществим. Мы почти уверены, что можем настроить камеру с точностью до полугода, и что вся группа попадает в одну и ту же реальность одновременно, с точностью до секунды. Мы почти уверены, что эта реальность является предшественницей нашей, из которой будет совершен прыжок. Дальше идут предположения. Вы уже поняли, что временем большой бифуркации, той, которая дает возможность сменить аттрактор (в просторечии – вырваться из заколдованного круга) является время так называемой «перестройки», точнее, период с Чернобыльской аварии до 70-летия октябрьского переворота, то есть, с 26 мая 1986 года до осени 1987 года. Вас забросят на 5 лет раньше, в 1981 год, чтобы вы успели адаптироваться, разработать подходящие методы для определения момента большой бифуркации и подготовить необходимые структуры для осуществления самого перехода. С вашим интеллектом и разнообразием ваших специальностей это всё решаемо, но проблема в том, что мы не знаем, как воздействует на человека сам прыжок.

Вы уже знаете – добровольцы не возвращаются, оболочки не в счет. Предполагается, что прыжок по времени вперед запрещен по фундаментальным причинам. Предполагается, что люди, родившиеся позже времени прыжка, встраиваются в реальность как новые личности, а

уже существующие – сливаются со своим молодым аналогом. Насколько безболезненно происходит такое слияние (если оно вообще происходит), мы не знаем. Старшая подгруппа, то есть люди 1955-1960 годов рождения, испытает это на собственной шкуре. Мы надеемся, что вы станете молодыми людьми 20-25 лет, сохранив при этом память последующих 46 лет жизни и стремление выполнить свою миссию – хотя бы потому, что в том или другом будущем предстоит жить вам и вашим потомкам. Эта подгруппа, назовем их «укоренёнными» будет служить на первых порах опорой младшей подгруппе 1990-2005 годов рождения, «пришельцам», аналоги которых еще не существуют в момент прыжка. Мы на всё на это надеемся, но что будет на самом деле – узнаете только «на месте». Если вообще узнаете.

Сейчас вы разойдетесь по своим группам и получите последние инструкции от своих координаторов: что делать «укоренённым» и «пришельцам» непосредственно после прыжка. Потом часовой перерыв на получение «пришельцами» документов, денег и соответствующей одежды. Времени достаточно, чтобы окончательно решить, готовы ли вы к прыжку. Те, кто решит остаться, собирайтесь вон там. Сопровождающие выведут вас на поверхность. Если захотите, можете потом присоединиться к нашему научно-исследовательскому ядру. Правда, не могу гарантировать, что после прыжка эта реальность не изменится. Я ничего не могу гарантировать. Просто надо действовать. У нас уже нет времени.

Раннее летнее утро. Комната перегороджена шкафом на две неравные половины; в меньшей на диване спит юноша. Солнечный луч добирается до его правого глаза, ползет дальше. Юноша приоткрывает глаз – на стене напротив старые фамильные ходики и отрывной календарь. 6 часов, воскресенье 20 июля 1980 года. «Надо же! Почти не промахнулись. Хорошо, что слияние произошло во сне. Интересно, это у всех «укоренённых» так? Скоро узнаю. Оказывается, ничего страшного: этот юноша всегда жил во мне-старике (он всегда это знал), теперь и я-старик живет во мне-юноше. Немного странно, но привыкну – это ведь тоже я, только в других обстоятельствах. И с дополнительным опытом. Купол. Какая гадость!» Юноша легко и бесшумно (не разбудить родителей!) спрыгивает с дивана (как здорово быть в молодом, тренированном теле!). Одеться, застелить постель, ванная, кухня – и на улицу! Время до встречи (12 часов, правая колонна у входа в Парк Культуры, каждое воскресенье) еще есть. Он идет по летней Москве своей молодости, наслаждаясь свежим утренним ветерком. «Не отдам ее упырям! И еще – у меня обязательно будут дети и внуки. И я сделаю все, чтобы они не узнали ни смуты, ни Купола!»

Понедельник, 17 мая 2027 года.

Ярко-зеленое весеннее утро. Мужчина в спортивном костюме выбегает из парка на детскую площадку перед старым, но любовно отреставрированным домом. Малыш лет пяти, увидев его, бежит навстречу.

– Дедушка! Я на леталку с Павликом, можно?

– Давай, Дениска, только не уходите с площадки никуда. Я скоро, только в магазин забегу.

– Дед! Мне мороженое, «Московское»!

– Хорошо. Павлику тоже?

– Нет, мама сказала, что он немножко простудился, и ему нельзя мороженого. А в Музей Времени мы пойдем?

– Это вы уже с папой договаривайтесь. У писателей режим свободный, а меня через час в лаборатории ждут.

– Ну-у-у, с тобой интереснее.

– Не могу, Денис. Всю эту неделю буду очень занят. А давай я тебе лучше на ночь сказку расскажу. Тоже о времени. Идет?

– Страшную?

– Очень страшную, но конец очень хороший. Надеюсь... Ну, беги к Павлику. И не уходите никуда!

Он снова вбегает в парк по другой дорожке, ведущей к магазину. Через лужайку, где в его первой реальности стоял склеп-убежище. Они никогда не пытались раскопать это место, и он не знает, лежит ли там, глубоко под землей, оболочка его старого тела. Зато он точно знает, что в той, первой реальности из аварийного дома за его спиной скоро выйдет пожилой обрюзгший человек с палочкой и по разбитому асфальтовому покрытию подойдет к тому месту, где изнутри слабо светится прошлогодняя щель.

Виктор Александрович, завлаб Института Времени, вообще многое знает в силу своей профессии и опыта. Много, но далеко не все, конечно. Это его не тревожит: он профессионал и исследователь, а эмоции в науке противопоказаны. Но все же один вопрос неотвязно мучает его уже 47 лет: почему этот старик был так уверен, что «выпрыгнет» молодым в своём Скорняжном переулке, откуда он знал, что вообще куда-то выпрыгнет?! «Я бы, наверное, не решился, – думает завлаб. – Я бы струсил. Правда, у меня не было Купола... И у меня нет аналога в Институте Времени в другой реальности. А может, все-таки есть?»

– Эй, кто там подсматривает? – орёт он на бегу, запрокинув голову в небо.

Он не ждёт ответа, и лишь слегка улыбается раскату грома: конечно, это просто гроза. Первая весенняя гроза 2027 года. Может быть, последняя гроза в этой реальности.

Семья уткида

«И тогда пришел пастушок Давид, вооруженный только пращей. Засмеялся Голиаф, увидев такого противника, и двинулся навстречу. Но метнул камень Давид – и рухнул великан».

– Хорошенькая история! – воскликнул Гхмырь, с наслаждением захлопнув учебник по истории государства уткидов, точнее, приложение в конце учебника под названием «Мифы древнего мира». А заданный параграф по сентябрьской революции лучше почитать прямо перед уроком – легче запомнить и отбарабанить, как надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.